

Л. Б. СУКИНА

ФИЛОСОФСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА И «ВОЗВРАЩЕНИЕ» СУБЪЕКТА КОГНИТИВНОЙ ИСТОРИИ

В статье рассматривается герменевтика как одно из возможных философских оснований дальнейшего развития когнитивной истории. Герменевтика возвращает в круг теоретических проблем когнитивной истории субъект исторического исследования – сознание историка.

Ключевые слова: история, философия, герменевтика, когнитивный, субъект

Теория и методология когнитивной истории приобрели на заключительном этапе научного творчества О.М. Медушевской вид целостной концепции, каждое положение которой было аргументировано автором¹. Однако трудно не согласиться с размышлениями Н.А. Мининкова и М.Ф. Румянцевой о том, что значительная часть идей О.М. Медушевской требует дальнейшего развития и экспликации.

В главе «Феномен человека» ее последней монографии обосновывается возможность эмпирической науки истории (§ 1.1), а исторический источник рассматривается как интеллектуальный продукт человеческой деятельности (§ 1.2)². Вместе с тем, ссылки к указанной главе не раскрывают всего объема возможных интеллектуальных оснований для рассуждений на данную тему. В частности, О.М. Медушевская прекрасно ориентировалась в области философской герменевтики, о чем свидетельствовали ее многочисленные устные высказывания. Но в ее публикациях герменевтика оказалась «забыта», хотя работы классиков этого направления современной философии как раз и созвучны идее истории как науки, исследующей феномен человека. Вероятно, это было обусловлено сознательной авторской позицией в целях максимального сосредоточения на основном предмете исследования – эмпирическом объекте исторического познания и формулировке критериев «строгости» исторического знания. Дальнейшие же рассуждения об историческом источнике как интеллектуальном продукте человеческой деятельности, на наш взгляд, невозможны без реконструкции всей системы субъект-объектных отношений, восстановления ее когнитивной целостности. Для этого в поисках методологических решений придется обращаться не только к феноменологии, но и к герменевтике.

¹ Медушевская. 2008.

² Там же. С. 19-67.

Герменевтика не пользуется столь широкой популярностью у гуманитариев, как феноменология, но с 1990-х гг. она вновь привлекает неизменное внимание в качестве метода постижения исторической реальности, каковой в рамках концепции когнитивной истории мы должны признать реальность сознания человека прошлого, запечатленную в историческом источнике. Обращение к методу герменевтики в историческом исследовании заставляет историка заниматься философской рефлексией. Недаром Г.-Г. Гадамер писал, что «искусство и история – “герменевтические науки”, но ими герменевтика не может ограничиться, необходимо философское осмысление герменевтики как метода»³.

Востребованность герменевтики исторической наукой обусловлена, в том числе, и кризисным состоянием самого человеческого бытия. Нельзя не согласиться с мнением одного из исследователей истории философской герменевтики В.С. Малахова, что она «возникает всякий раз в периоды потрясения основ, разрушения “естественных” очевидностей сознания, расстройств складывающихся десятилетиями связей»⁴.

Гадамером, стремившимся прояснить условия, при которых появляется возможность понимания при сохранении онтологической целостности человеческого сознания, был преодолен разрыв между частными «герменевтическими науками» и философской герменевтикой⁵. В этом смысле Гадамер развивал идеи М. Хайдеггера, считавшего, что понимание онтологично и укоренено в бытии человека, а поэтому место методологии исторических наук должна занимать методология истории.

Как и у Хайдеггера, в герменевтике Гадамера особое место принадлежит языку и порождаемому им тексту: «Положение, согласно которому всякое понимание есть проблема языковая и что оно достигается (или не достигается) в медиуме языковости, в доказательстве, собственно, не нуждается. Все феномены взаимосогласия, понимания и непонимания, образующие предмет так называемой герменевтики, суть явления языковые. Однако тезис, который я осмеливаюсь поставить на обсуждение, будет более радикальным. Я полагаю, что не только процедура понимания людьми друг друга, но и процесс понимания вообще представляет собой события языка — даже тогда, когда речь идет о неязыковых феноменах»⁶. Понимание текста, будь это памятник письменности, документ или «текст» изобразительного искусства, архитектуры,

³ Гадамер. 1991. С. 14.

⁴ Малахов. 1991. С. 334; 1987. С. 151-164.

⁵ Гадамер. 1988.

⁶ Гадамер. 1991. С. 43-44.

театрального действия, кино для Гадамера состоит, прежде всего, не в «воспроизведении» его замысла, а в «произведении» смысла. Это и есть цель герменевтической интерпретации. Конечно, такая герменевтика, примененная к истории, ведет к плюральности и даже конфликту интерпретаций текстов исторических источников, так как их множественные «смыслы» не могут быть сведены к одному единственно верному, что, на первый взгляд, нарушает строгость научного знания. Но также много занимавшийся вопросами герменевтики истории и культуры Г. Гессе пришел к выводу, что требование излишней строгости в гуманитарных науках равнозначно попытке применения математики к неподходящему объекту, будь то анатомическое строение человека или его историческое бытие, когда исследователь жаждет увидеть уже выстроенную им теоретическую конструкцию и пренебрегает при этом «неповторимой, индивидуальной реальностью своего объекта»⁷.

В отношении интерпретации текста исторического источника, как письменного, так и невербального особенно важно то, что в гадамеровской герменевтике первостепенное значение имеет не личность субъекта, автора, а смысл его размышлений. Для понимания смысла средневековых источников, восстановление авторства большинства из которых не представляется возможным, это принципиальный методологический шаг. В герменевтическом истолковании у Гадамера на первый план выступает не то, что хотел сказать создатель текста, а то, как в этом тексте проявляется онтологическая реальность человеческого бытия, которое, опять же по Гадамеру, всегда исторично.

Гадамеровскую проблему «конфликта интерпретаций» разрабатывал П. Рикёр, соединивший в своем философствовании герменевтику с феноменологией, персонализмом, структурализмом, психоанализом, философией религии, лингвистикой и аналитической философией. Для П. Рикёра герменевтическая интерпретация – это всегда субъективный диалог между исследователем и исследуемым им текстом истории и культуры, созданным другим человеком, в результате которого рождается объективность исторического знания. Он призывает не бояться такой субъективности: «Ремесла историка, как представляется, достаточно для того, чтобы различать хорошую и плохую субъективность историка, а ответственность философской рефлексии послужит, вероятно, различению хорошей и плохой объективности истории; ведь именно

⁷ Гессе. 1991. С. 179-181. Кстати, и в современной математике принцип «вейрштрассовой строгости» применяется избирательно. В гуманитарном знании требования «строгости» были предъявлены к философии Э. Гуссерлем (Гуссерль. 1995).

рефлексия постоянно убеждает нас в том, что *объект* истории – это сам человеческий *субъект*» (курсив П. Рикёра)⁸. Таким образом, в своей концепции метода герменевтики Рикёр настаивает на единстве и неразрывности субъект-объектных отношений исторической реальности.

По Рикёру, задача интерпретатора текста источника – преодолеть расстояние между культурой прошлого (объектом) и им самим, современным исследователем (субъектом). Механизм такой интерпретации у Рикёра выглядит как когнитивно-рефлексивная операция «присваивания смысла» источника изучающим его историком: «Преодолевая это расстояние, становясь современником текста, интерпретатор может присвоить себе смысл: из чужого он хочет сделать его своим, собственным; расширение самопонимания он намеревается достичь через понимание другого. Таким образом, явно или неявно, всякая герменевтика выступает пониманием самого себя через понимание другого»⁹. Но это вовсе не означает, что, занимаясь герменевтикой источника, историк изучает только собственную личность, как считал некий коллега-антрополог, упоминаемый в работе Н.Е. Копосова «Как думают историки»¹⁰. Герменевтическое истолкование должно постоянно расширяться, захватывая все новые области бытия смыслов интерпретируемых текстов: «Задача герменевтики — показать, что существование достигает слова, смысла, рефлексии лишь путем непрерывной интерпретации всех значений, которые рождаются в мире культуры; существование становится самим собой – человеческим зрелым существованием, лишь присваивая себе тот смысл, который заключается сначала “вовне”, в произведениях, установлениях, памятниках культуры, где объективируется жизнь духа»¹¹. Такой способ снятия «конфликта интерпретаций» достаточно сложен и, вероятно, не может быть реализован до конца одним интерпретатором. Герменевтическая интерпретация не является законченной исследовательской процедурой, результатом которой могло бы быть некое завершённое знание, и нуждается в постоянном продолжении. Но ее диалогичность, конфликтность, и вместе с тем, комплементарность по отношению к другим методам позволяет использовать ее применительно к многообразным эмпирическим объектам (в нашем случае, к источникам разных видов, принадлежащим различным эпохам и культурам).

Но обращение к методу герменевтики в гуманитаристике двух последних десятилетий связано не столько с его концепциями, представ-

⁸ Рикёр. 2002. С. 57.

⁹ Рикёр. 1995. С. 25.

¹⁰ Копосов. 2001. С. 5.

¹¹ Рикёр. 1995. С. 34.

ленными в цитированных выше и других трудах Гадамера и Рикёра, а также В. Дильтея, сколько с применяемой к любым текстам «универсальной герменевтикой» их предшественника Ф. Шлейерахера¹². Ее особым предметом являются «памятники» – тексты, отделенные от исследователя значительным барьером (временным, историческим, культурным, языковым). «Универсальная герменевтика» направлена на исследование не только внешней (объективной), но и внутренней (субъективной) стороны памятника. Под последней понимается «факт мышления» создателя памятника, реконструируемый при помощи психологической интерпретации.

Универсальным объектом понимания у Шлейерахера является речевое взаимодействие, диалог, в том числе диалог источника и исследователя. А техникой «точного» понимания, которая выступает в роли ремесла герменевта (философа, филолога, историка), предусматривается объективное историческое реконструирование речи в целостности языка, подразумевающее творческий процесс воссоздания акта интеллектуальной деятельности конкретного автора с учетом его индивидуальности. Из двух разновидностей понимания, предлагаемых Шлейерахером, для гуманитарных наук, имеющих дело с историческими источниками, важна его разработка теории понимания и усвоения понятий, созданных другими индивидами, находящимися в собственном интеллектуальном пространстве, далеко не всегда открытом чужому разуму, пытающемуся извне установить диалог с целью реконструирования порожденных давно ушедшим сознанием автора текста смыслов.

Шлейерахером было также введено понятие герменевтического круга, которым он обозначил диалектическое единство части и целого в процедуре понимания письменного текста. Процесс понимания для Шлейерахера носит принципиально незавершенный характер. Мысль исследователя движется по расширяющемуся кругу от целого к части и обратно. При этом каждый раз понимание смысла части и целого углубляется и развивается. Историком принцип герменевтического круга может быть использован при многократном обращении к источнику, так как дает возможность обнаружить что-то новое в казалось бы уже знакомом. Думается, ни один профессиональный исследователь не возьмется утверждать, что ему удалось добиться исчерпывающего понимания какого-либо источника и извлечь из него всю значимую информацию.

В философской науке последних десятилетий герменевтика рассматривается в контексте проблемы достоверности познания социально-

¹² *Schleiermacher*. Bd.4. 1911; *Шлейерахер*. 2004.

исторического мира прошлого и предстает как адекватный современности метод анализа «исторической реальности»¹³. История самой герменевтики как основания научных подходов в познании получает более удаленную ретроспективу. Так, в диссертации П.В. Соколова герменевтика анализируется как инструмент имманентный сознанию европейских мыслителей позднего средневековья¹⁴. А в работах членов международного проекта «Герменевтика и метод» в качестве модели нововременной науки рассматривается не математизированное естествознание, а дисциплины филолого-герменевтического цикла¹⁵.

Герменевтика в качестве основания методологии гуманитарного знания и конструирования его современных методов представлена в трудах В.Г. Кузнецова¹⁶. В исследованиях Е.Н. Шульги выявлен когнитивный потенциал герменевтики и ее роль в традиции исторически ориентированного знания¹⁷. Герменевтику использует французская философско-историческая школа¹⁸, она присутствует в американской философии истории¹⁹. М.А. Кукарцева и А. Мегилл рассматривают герменевтику как одну из ключевых ориентаций историологии²⁰.

Традиция отечественной историографии не требует от историка обязательной философской рефлексии по поводу собственного исследовательского метода. Поэтому герменевтика вошла в современные исторически ориентированные исследования, так сказать, «в рабочем порядке».

Использование метода герменевтики текстов в 1990-е гг. стало своего рода «хорошим тоном» в профессиональной среде гуманитариев – исследователей древнерусской книжности. Большую роль в этом сыграли периодически издававшиеся Институтом мировой литературы им. А.М. Горького и Обществом исследователей Древней Руси сборники «Герменевтика древнерусской литературы», в которых приветствовались разнообразные способы герменевтического анализа, что вполне согласовывается с принципом плюральностью интерпретации.

В рамки герменевтики укладывается и предлагаемый И.Н. Данилевским, на наш взгляд, очень любопытный и нуждающийся в дальнейшем развитии центонно-парафраза́льный метод изучения летописных

¹³ Увина. 1999.

¹⁴ Соколов. 2012.

¹⁵ Там же. С. 4.

¹⁶ Кузнецов. 1991; и др.

¹⁷ Шульга. 2002; и др.

¹⁸ Арон. 2000.

¹⁹ Кукарцева. 1998.

²⁰ Кукарцева, Мегилл. 2006.

текстов²¹. Он может быть распространен и на другие памятники древнерусской литературы и книжности, которые представляют собой «слоенный пирог» из различных цитат и авторского текста. Герменевтические приемы комментирования письменных источников успешно применены и в исследовании интеллектуальной деятельности князя Андрея Курбского А.И. Филошкина²². Претензии противников герменевтического метода, упрекающих применяющих его исследователей в «субъективности», вряд ли можно признать обоснованными, так как цель историко-ведческого анализа – понимание интенций сознания человека прошлого, результаты деятельности которого запечатлены в источнике, оказывается достигнутой.

Интерес современных историков и других специалистов-гуманитариев, имеющих дело с историческими источниками различных видов неслучаен. Герменевтика изначально основывается на признании неразрывного единства субъект-объектных отношений. Без учета психологических и когнитивных особенностей личности познающего субъекта, в нашем случае – историка, невозможна полноценная герменевтическая интерпретация источника. Обращение к герменевтике как к одному из философских оснований когнитивной истории, на мой взгляд, поможет вернуть в круг ее теоретических проблем субъект исторического исследования, оказавшийся за рамками монографии О.М. Медушевой в силу внутренней логики рассуждений исследователя, сосредоточенного на осмыслении объекта исторического знания.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арон Р.* Введение в философию истории. М., 2000.
Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
Герменевтика: история и современность. М., 1995.
Гессе Г. Избранное. М., 1991.
Гуссерль Г. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1995.
Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
Копосов Н.Е. Как думают историки. М., 2001.
Кузнецов В.Г. Герменевтика и гуманитарное познание. М., 1991.
Кукарцева М.А. Современная философия истории США. Иваново, 1998.
Кукарцева М.А., Мегилл А. Философия истории и историология: грани совпадения // История и современность. 2006. № 2. URL: <http://www.socionauki.ru/jornal/articles/145487/> (время доступа 20.11.2012).

²¹ Данилевский. 2004.

²² Филошкин. 2007.

- Малахов В.С. Концепция исторического понимания Г.-Г. Гадамера // Историко-философский ежегодник '87. М., 1987. С. 151-164.
- Малахов В.С. Философия герменевтики Ганса Георга Гадамера / Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного... С 324-336.
- Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008.
- Рикёр П. История и истина / пер. с фр. И.С. Вдовиной и А.И. Мачульской. СПб., 2002.
- Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки герменевтики / пер. с фр. И. Сергеевой. М., 1995.
- Словарь философских терминов / под науч.ред. В.Г. Кузнецова. М., 2007.
- Соколов П.В. Проблема достоверности в библейской герменевтике второй половины XVI – начала XVIII вв. : автореф. дисс... к. филос. н. М.: НИУ ВШЭ, 2012.
- Увина И.В. Онтология «исторической реальности»: герменевтический аспект: автореф. дисс... к. филос. н. Ижевск: Удмуртский ГУ, 1999.
- Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному : дисс... д. и. н. СПб.: СПбГУ, 2007.
- Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб., 2004.
- Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. М., 2002.
- Schleiermacher Fr. Werke. Auswahl in vier Banden. Bd. 4. 1911.
- Сукина Людмила Борисовна** – кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой гуманитарных наук НОУ ВПО Институт программных систем «УГП им. А.К. Айламазяна», г. Переславль-Залесский; lbsukina@gmail.com